

Арка портала закрылась, отрезая мужчину в плаще от Максима Буденова. По пространственному квадрату пошла рябь. Она начала пожирать гладкие части портала, пока голубоватая поверхность не исчезла кусок за куском. Через пару секунд от арки не осталось и следа.

Незнакомец улыбнулся. Его глаза растянулись в полумесяцы, морщины пошли от переносицы к вискам. Наконец, мужчина фыркнул.

— Вот ты какой, Максим...

Мужчина обернулся к стонущей Оксане. Та непонимающе смотрела в потолок, по мягким губам бежали струйки крови. Раздался тяжелый кашель, Оксана захлебывалась. Глаза опустились на улыбающегося мужчину. Она неразборчиво бормотала.

Незнакомец присел на одно колено. Крепкие руки нежно подняли тело. Девушка с трудом провела по щеке мужчины, прежде чем окончательно отключиться, когда тот зашел в лифт и нажал на кнопку седьмого этажа.

Он так же нажал и на кнопку «Вызова диспетчера».

Раздался хриплый голос вокодера:

— Здравствуйте, у вас проблемы с лифтом?

— Говорит Шорох. — Он взглянул на пятно, разрастающееся на платье Оксаны. Удивительно, что девушка не умерла от такой кровопотери... — Срочно оборудуйте операционную в медзале гильдии. Оксана Буденова тяжело ранена.

Вокодер панически проблеял что-то, но Шороха уже не интересовала эта болтовня. Пальцы крепче сжали ношу. Девушка тихо простонала, закрытые веки подрагивали.

— Держись, Огненная Леди.

Целый час медики корпели над умирающей Оксаной.

Операционная лишилась прежних спокойных цветов. Пропала та белизна и синева со стен. От шелестящих на окне жалюзи осталась сожженная корка, опадающая каждую секунду. На плиточном светлом полу и потолке разрослись круги копоти.

Оксану держали на железной койке с множеством проводов и труб. Панель с кнопками свисала с боку. На каркасе читались номерные знаки. Медицинские простыни впитали кровь, она заполняла пористую структуру ткани, делала ее влажной и тяжелой.

Врачи почти сдались. Гильдейское медицинское оборудование не предназначалось для серьезных операций. По крайней мере, без Обретшего-целителя. И, как назло, он взял выходной из-за отсутствия заказов! Целителя выдернули из постели уже полчаса назад, но он только добирался до башни «Мортема». Сейчас же жизнь лежала в руках обычных людей.

Шорох, отдав Оксану на попечение врачей, отправился на верхушку башни. Сорок четвертый этаж — пиликнул лифт и открыл хромированные двери. Шорох вышел в просторный холл с красными дорожками ковров. Так, он завернул сразу налево, в один из двух проходов.

На пути раскрывали просторы зимнего города панорамные окна. Высотой в два человеческих роста, они впускали тусклый солнечный свет в идущий по кругу коридор, в котором Шорох не торопясь прогуливался до крупной двустворчатой двери в конце. Кольцеобразные лампы размером с колесо светили с потолка на выстланный ковром пол.

Шорох рассматривал картины и фотографии на желтых стенах. Чьи-то портреты смотрели на проходящего в немом презрении, групповые кадры озаряли мир улыбками удачливых охотников, стоящих на трупах импов. Пейзажи рисовали далекие тропические леса. И натюрморты. Кому нужны натюрморты?

Большая дверь встретила Шороха.

Он ухмыльнулся. Настолько ему нравилась ситуация, в какой мужчина принимал непосредственное участие. События, разворачивавшиеся вокруг семейки Буденовых, вызывали все больший интерес.

«Довольно весело.» — Тихий смех ускокал вглубь коридора. Шорох постучал три раза. За дверью ответили. — «Что же произойдет дальше?»

Дверь бесшумно отворилась. Шорох прошел внутрь и уселся на офисный стул. Ноги с шумом упали на стол, где аж подскочили стопки бумаг, часы и ноутбук. Откинувшись на спинку, Шорох с ехидством поинтересовался у покрасневшего от гнева хмурого мужчины:

— Как сам, малой? Хорошо работа делается? — Шорох показал все тридцать два, прикрывая краем шляпы глаза.

Хозяин кабинета пригладил короткую прическу зализанных назад волос. Рука привычно поправила очки формы «Панто» и прижала те к переносице.

— Андрей Ринатович, я очень надеюсь, что вы по делу. — «Малой» заиграл желваками. Он мигом поправил вещи на столе, после чего опустился на полупрозрачное хрустальное офисное кресло. — Как прошел разговор с Орденом?

Шорох захрипел в припадке начинающегося смеха. По просторному, со школьный класс, кабинету разлетелось грубое хихиканье. Переходя в хохот, Шорох мог разве что барабанить по стоящему рядом стулу, такому же, как и его.

— Ха~. Они хотели взять Оксану на понт. Прислали агентов, выставили наблюдение. И когда выдался момент, отправили к ней «дипломатов». — Собеседник сглотнул. — А я как раз проезжал мимо. Встретился с ребятами, половина из которых превратилась в окорока, поговорил. В общем, я больше о еде думал, вдыхая запах жаренного мяса.

Хозяин кабинета скривился. Он с дрожью отряхнул рукава и воротник. Затем с одного из стеклянных шкафов, стоящих за мужчиной, на стол отправился коньяк и два стакана.

Янтарная жидкость разбежалась по граненым емкостям. Внутрь упал появившийся из ниоткуда кусочек льда, на ходу раскрошившийся горстками снега. Мужчина толкнул стакан гостью и быстро опрокинул свой в горло. Со слезами на глазах он выхватил из воздуха портсигар. Из железного ящичка с золотой гравюрой выскочила пухлая сигара, мигом залетевшая в рот.

Дым окружил собеседников.

— Шорох, можешь ручаться, что Орден не натравит на нас собак?

Тот хмыкнул:

— Не знаю, малой, не знаю. Я же недосказал! — «Малой» дернулся. — Значит мы, ха-ха~, поговорили с «дипломатами» и пришли к конс... кансу... консенсусу.

— ...Консенсусу.

— Вот! Я пообещал посодействовать в деле Оксаны, если это ей ничем не грозит. Затем показал печатку. — Шорох выставил правую руку. На среднем пальце сидело бирюзовое кольцо. — И они быстро все поняли.

«Малой» нахмурился. В ход пошел второй стакан коньяка, уже Шороха.

— Что поняли?

— Кто я такой. — Улыбка Шороха излучала доброту и расслабленность. — Мы выяснили, что братишка Оксаны стал Обретшим, после чего отправились на подземный уровень. Там открылся портал. Я увидел этого Максима, за которым столько гналась Оксана, оценил его. И когда Буденова почти провели подавители...

Шорох притих и ухмыльнулся.

«Малой» потянулся вперед.

ХРЯСЬ! — Ладонь Шороха разбила стол, полетели щепки. Хозяин кабинета отпрыгнул назад.

— Он перебил элитных бойцов Ордена, спустил обойму в Оксану и смотал!

— Вы что творите?! И... ч-что?

Шорох продолжил:

— Паренек-то непростой. — «Малой» стиснул зубы. — Он призвал на помощь каких-то копов, вот так — из ниоткуда. Еще с ним была долбанутая девчонка, которая лично завалила половину подавителей. Она же изменила настройки стационарного портала. Здорово, конечно, повеселились там.

— Ты сказал, брат стрелял в Оксану. Что с ней? — Шорох внимательно посмотрел на собеседника. Тот спрашивал так, что ответить хотелось поскорее.

— Жива, сейчас в медицинском крыле лежит.

— Превосходно. — «Малой» взмахнул рукой. Стол вернулся к прежнему состоянию, будто в обратной промотке фильма. — Спасибо за информацию, можете идти.

— Погонишься за пареньком? — Улыбка Шороха вообще не слезала с лица. — Если будешь составлять заказ на него, то знай — я ему руку «откусил». Долго Максиму не протянуть без врачей.

— Превосходно... — Повторился «Малой». Он достал тонкую стекляшку смартфона и кого-то набрал. — Говорит Аксель. Да... Нет, все в силе. Я хочу нанять вас для одного дела...

Долго греть уши Шороху не позволили. «Малой» взглядом указал ему на дверь, после чего вернулся к разговору.

После разговора Шорох спустился на седьмой этаж. Операция еще шла, но подходила к благополучному концу. Мужчине предложили место в коридоре, где тот зачитывался новомодным журналом с рейтингом Клинских гильдий. Он со скукой отметил первое место «Мортема».

В то же время Шорох обрабатывал полученные сведения о Максиме. Мысли порождали идеи и задумки, которые могли вылиться в интересную охоту за Буденовым. Иногда Шорох одергивал себя, чтобы ежесекундно не вскочить и погнаться за интересным трофеем.

Настолько хотел Шорох поймать Буденова.

Дверь операционной открылась, выпуская хирургов и Обретшего в красной куртке с накинутым меховым капюшоном.

Шорох подошел к целителю:

— Как она?

— Жить будет, но пару месяцев придется есть одно пюре. — Целитель развел руками.

— Послушай. — Рука Шороха легла на плечи целителя. И будто многотонная масса свалилась сверху, Обретший упал на колени, опираясь на пол. — Сделаешь, как я прошу, получишь десять годовых зарплат, идет?

На глаза целителя навернулись слезы. Он отсутствующим взглядом смотрел в пустоту. Конечности трясло как отбойный молоток.

— И-идет.

— Хорошо. Можешь пока идти.

Давление пропало. Целитель по стеночке поднялся на ноги и вяло, как опьяненный дымом комар, поплелся куда подальше.

Шорох дождался, когда врачи отвезут Оксану в палату, где он смог посмотреть на нее.

Девушка выглядела более, чем нормально. Кожа посветлела, исчезли тени из-под глаз. Пропала кровь, замалевавшая лицо. А когда Оксана открыла глаза, в них набирался сил живительный огонь.

Шорох лишился маски весельчака. На душе потеплело, вот он и сел на попавшийся под руку стул. Рука коснулась кисти Оксаны, та сжала ее, измученно улыбаясь. Шляпа спустилась с головы Шороха на тумбу. Слова прозвучали с теплотой:

— Как ты? — Вопрос донесся до Оксаны маревом, тонким шепотом.

— Хорошо, папа...

Четыре дня спустя.

Тени сплетались в смутно знакомую сцену. Коридор тянулся десятки минут, прежде чем появилась новая комната. Зал. Мрак расходился под напором бликов. Среди блеска образов я увидел людей.

Подавители... Они тащили меня к portalу. Впереди безвольной куклой шла девушка. Как же ее звали? Ханако, верно.

Нас втолкнули в портал, после чего меня поглотила бездна. Чернота играла со мной образами даже там. Я хотел развеять ее, но загадочная сила препятствовала.

Я вижу Оксану.

Она выходит из полога темени. На лице улыбка, во взгляде таится восторг. Оксана протягивает руку, говорит, что не злится.

Внутри сплетаются цветными нитями радость и облегчение. Я тянусь к ней. Пальцы обхватывают тонкую хрупкую кисть. От прошедшего по телу тепла улыбка сама рвется наружу.

Мокро.

Рука ускользает из хватки сестры. Я подношу ладонь, чтобы в ужасе отпрянуть назад.

Кровь.

Перевожу взгляд на Оксану.

Сестра сереет. На лице бесцветная гримаса боли, тоска пожирает ее. На животе появляются черные провалы. Туда втягивается темнота вокруг. Краски возвращаются в мир, они врываются в окружающее меня пространство.

Ноги слабеют, колотит дрожь. Все деревенеет, спина гнетса под незримой ношей. Я смотрю на алые пятна, бегущие по платью.

Вскоре под Оксаной собирается лужа. Она растет, ее переполняет утекающей жизнью. Из лужи рождается ручей. Он обегает меня, превращается в кольцо. Из ручья выливается река. Она смывает меня, безграничная сила сбивает с ног.

— Оксана! — Я пытаюсь докричаться сквозь ее повторяющийся бред.

— Поздравляю. Поздравляю. Поздравляю...

Из реки рождается озеро. Красная гладь бесконечным полотном из миллиардов рубинов переливается на свету солнца. Солнца, которым стала моя Оксанка...

— Я не хотел! Мне нужно было разобраться. Я хочу понять, кто тебя настроил против меня? — Озеро обняло густыми массаами. Щиколотки уже потонули. — Почему ты предала меня?!

— ПОЗДРАВЛЯЮ!

Потолок.

Кто-нибудь задумывался над тем, что значит потолок? Символ чего он?

Может, бесконечного пробуждения?

Есть символы бесконечного перерождения, но есть ли символ у пробуждения? Или Пробуждения?

Подумать иначе, так потолок вовсе и не символ ничего. Или символ ничего. Или граница для того ничего, окружающего нас.

Мерило силы? Потолок — ограничение, за которое не выйти ни одному человеку?

Кто его знает?

Но я уяснил: после кошмаров тебя встречает именно потолок.

Я осмотрелся.

Место, где я спал, изобиловало бетоном. Железобетоном — на потолке, вестнике пробуждения, виднелись края арматуры, подточенные болгаркой. Стены, выстроившиеся строгим квадратом по периметру, одинаковым серым цветом мылили глаз. В редких местах пробивали доступ свежему воздуху и тусклому свету маленькие, с три ладони шириной, окна-бойницы. На полу же валялся рубероид, скрывающий тот же бетон.

Опустил глаза вниз. Я видел босые ступни, от ног до груди лежал зеленый спальник, мешавший между собой оттенки коричневого и черного.

Я сел. Подо мной скрипнуло. Пошатавшись в стороны, определил раскладушку, на которой спал в первые месяцы после переезда.

Захотелось подняться. И когда привычное движение пошло в разрез со старыми ощущениями, я обратил внимание на руку. Культю, оставшуюся от нее.

От левой конечности остались воспоминания. Перемотанный бинтами обрубок пожелтел по краям от нанесенного йода. При шевелении остаток плеча отзывался резами.

«Охренительно.» — Опираясь на правую, я вытолкнул тело с постели. Ноги ощутили прохладу пола. Внимательно оценил внешний вид. Из одежды остались трусы-смейники и футболка. — «Хоть не голым предстану перед хозяевами.»

Живот заворчал. На языке скопилась слюна от зверского аппетита. Чувствовалось, если я не поем, то свалюсь от усталости. А потому, ждать владельцев бетонной коробки не имело смысла.

Я пошел на звуки играющей музыки. Единственный выход зиял пустой аркой справа от кровати. С каждым шагом, грозящим перейти в беззащитное падение, до носа добирался аромат готовящейся еды.

Когда нос привел меня к следующему помещению, я замер.

Комната, ничем, кроме размеров, не отличающаяся от предыдущей, приютила всех призванных бойцов, которые утоляли потребности.

За прямоугольным столом в центре на раскладных стульях сидели три полицейских, на них отсутствовали знакомые жилеты. Руки вместо оружия закидывали по кругу карты, перебивая

ход оппонента.

Справа, под протянувшейся на три метра низкой бойницей, стояла у стены полевая кухня из металла. От нее и шел будящий животные инстинкты аромат жарящегося мяса. За ней взывал к таинствам кулинарии четвертый, раненный в глаз, коп.

Слева подковой, выемкой, глядящей в помещение, уместились парты. На них, тихо жужжа, лежали два ноутбука. Мониторы отражали часть комнаты.

Последним я заметил Бородача, тот в другом конце помещения, напротив меня. Он нависал над чем-то, демонстрируя всем спину.

Удивительно, но крихтения и шарканье по полу никто не услышал. Поэтому я поприветствовал остальных:

— Доброе утро. Давно не виделись, парни.

Повисла тишина. Ее разрывали слова песни и шкворчание масла.

Они повернулись ко мне. Внимание привлекала отсутствующая рука. Я заметил извиняющиеся взгляды, но у одноглазого копа он сквозил пониманием.

По плечам заматались мурашки. Чувствовать себя калекой, да еще в строю товарищей, совершенно не хотелось. Вспоминая лучшие времена, я выдал улыбку:

— Как вам тут без меня живется, оболдуи и тунеядцы?!

— Командир!

Парни бросились ко мне, сжимая в объятьях. И если те, кого я призвал недавно, обошлись похлопыванием по плечам, то Бородач и одноглазый сжали меня в тиски.

— Нечем... дышать... — Бойцы взорвались хохотом. — Я вам кукла надувная, что ли? Почему лапаем командира?

— Ну так... — Бородач прищурился с хитрецей. — Ханако себя лапать не дает.

— О-О-О! — Мужики подняли гвалт, заливаясь смехом.

Меня усадили за центральным столом, больше напоминающим стол от пинг-понга монструозными габаритами. Одноглазый вернулся к готовке, а Бородач, притащив целый ретранслятор, в коем инженер и копался.

Я рассказывал, что произошло в Ордене Швартовска. Описания портала, как нас с Ханако брали, а потом зашвырнули в камеру, вытягивали из бойцов различные комментарии. Кто-то грязно ругался, другие спрашивали о том, каким образом проходил допрос. Я словил себя на незнании имен полицейских, когда отвечал. На вопросы, как называть парней, те с черным юмором твердили:

— Пушечному мяса имени не давали.

У них это вызывало бесконечный хохот.

Я же мог ответить тоскливой улыбкой, обещая каждому дать имя.

Тридцать минут болтовни закончились жирным завтраком из мяса кабана и макарон. Алюминиевые походные миски быстро опустели под гнетом голода. Вилка в единственной руке почти мелькала, бойцы лишь провожали ее, как и исчезающую в утробе порцию.

Когда закончил, потребовал добавки, на что одноглазый развел руками.

— Товарищ командир, еды мало. Все, что есть, это выкупленные в Швартовске крупы, да подстреленная дичь. А патрон беречь нужно.

— То есть, мы доедаем последние крохи?

Одноглазый тяжело вздохнул:

— Есть еще консервы, но это на черный день. Когда возможности раздобыть пищу больше не будет. Пока же как-то справляемся.

Задницу жгло желание сказать: «Есть у нас патроны.», — но я быстро отшел от этой мысли. Патроны не есть, а будут, и только через призыв. Тот, по ощущениям и чугунной уверенности, восстановился, причем для обоих отрядов.

Это означало одно — я проспал два дня, как минимум.

Из-за шума и громких разговоров закладывало уши. Мы просто галдели, пытались развеять нелегкое положение, куда нас занесли обстоятельства.

Тогда я почувствовал, как на правое плечо сжали.

От хитрых ухмылок бойцов меня аж перевернуло. Я уже догадался, кто стоял за спиной. А потому внезапные объятия встречались с мужеством и екнувшим животом.

Ухо обожгло горячее дыхание. Шепот разгонял кровь по жилам. Однако радости в словах не было:

— Здравствуй, командир. Эта Ханакко счастлива. Спасибо Ками-сама, ты выжил.

Неловкая пауза делала покашливания бойцов куда более смущающей. Полицейские внезапно нашли дела на улице. Бородач с умным видом уставился в ретранслятор и потопал в соседнюю, третью комнату. А одноглазый, сосредотачивая во вздохе печаль вселенной, ушел туда, где я проснулся.

Сердце забилось чаще. Я остался наедине с девушкой, впервые за три года. Только дух этой встречи пропах насквозь долгими слезами и отчаяньем. Это не знание. Это потустороннее понимание.

Ладонь легла на руки Ханакко, обнимавшей меня долгие минуты.

— Сержант, как вы смеете проявлять неуважение к командованию.

— Командир, как смеете вы упрекать меня в неуважении, когда сами почти бросили нас.

Она уткнулась в затылок. Волна тепла слетела с волос к шее. Дрожь заставила голову отключиться.

Сколько Ханакко меня стискивала? Внутренние часы стремились выбить стрелки из

биологического циферблата, будто руки мне мало.

Вопреки мысленным укорам, я наслаждался утекающим временем. Ведь как долго уставший загонщик ждал покоя?

Хотя бы на миг, чтобы не жалеть перед смертью, я позволил себе раствориться в нежности, которую дарила миниатюрная девушка. Странная, энергичная и взбалмошная, она единственная прошла со мной через лес, наполненный импами, сквозь допрос и пытки. И даже когда меня поджидала гибель, именно она спасла умирающего охотника.

Тлеющего внутри охотника.

«Проблем становится больше.»

С таким лозунгом я начал собрание нашего отряда.

Мы сели за центральный стол, где я огласил текущее положение.

Я, Максим Буденов, Обретший с навыками ведения боя в тылу врага и способностями к призыву, привел к гибели больше десяти человек. Из-за меня Швартовск заполняют следователи из государственных и военных организаций. И скоро здесь будет не продохнуться.

Противник силен.

Первой по силе идет, несомненно, армия. Для того, чтобы сохранить репутацию и контроль над охотниками-загонщиками, военные силы из кожи вон полезут, но поймают меня. Но с той же армией можно договориться, как ни странно. Было бы желание и средства.

Вторыми идут Ордена. Государственное образование, служащее ошейником для Обретших и охотников. Они не так страшны, как армия, только из-за разрозненности Орденов. В каждом крупном городе есть корпуса, где свои правила. В столичные дела Ордена не полезут, разве чтобы сбить спесь с Ладанежских.

Третьими идут гильдии. «Мортем» находится на первом месте в рейтинге столицы и на втором в Клинской республике. Может, уже на первом, я давно не проверял уровень «Мортема». Основную опасность гильдия несет не из-за силы Обретших, а из-за возможности нанять другие организации и свободных охотников. Влияние «Мортема» распространяется далеко, раз их не прикрыли за махинации с «кредитами», где и людей закладывают.

Четвертый противник — государство. Преступление есть преступление, а потому на убийцу людей отправят полицию, спецназ и прочую шушеру. Но, как и в любой стране, до лорда президента и его министров мое дело вряд ли дойдет. Да и кто будет сообщать верхам об очередном сбрендившем Обретшем?

Пятый противник — импы. Они не так едины, как люди, но их много. Большие же опасения вызывает та тварь, которая разговаривала со мной в проломе. И коли подозрения подтвердятся, что существуют монстры, способные на такие разрушения, то долго нам не выстоять в лесу.

Именно в лесу.

Швартовский лес объял восточную часть Роняевого региона. В нем хватает других лесов, но площадь каждого меньше четверти Швартовского, поэтому резон оставаться здесь был. Следующая причина — отдаленность столицы региона — Роняева. Напоследок, добивающий аргумент:

Если и умирать, то подальше от города, где гнили больше, чем на кладбищах. Здесь у отряда преимущество, мы скроемся в реках и под землей, среди деревьев и крон. До тех пор, пока подойдет кавалерия из тяжелой техники и сильных Обретших, я заберу побольше мерзавцев на тот свет. И очень надеюсь, что среди них встретятся мортемовские твари.

«Я не тешу надежд на победу и выживание.» — Смотря то на бойцов, я погружался глубже в пучины отчаяния. — «Как загнанный в угол пес готов рвать глотки, я не сдамся. Дойду до конца, даже если цель уже не исполнить.»

«Мои грехи не искупить. Сестроубийца, предатель родины, преступник и террорист. Жизнь никогда не проподносила на блюде счастья просто так. За все нужно платить. Но виновны ли в моих неудачах призванные люди? Имею ли я право тащить их за собой на дно?»

Глаза встретились с улыбающейся Ханако. Она сидела справа, сжимала мою руку. В девушке читалась решимость, готовность идти до конца.

Оттого крепла решимость. Я переплел наши пальцы и вслушивался в удары сердца. Если мне суждено умереть, то остальные выживут. Поэтому я успокаивался.

— Послушайте. — Бойцы глянули на меня. — У нет и шанса на победу. Нас мало, новый призыв ничего не решит. Мы пройдем ад, прежде чем отправимся на тот свет.

Они не сказали и слова.

Я продолжил:

— Плох тот солдат, что не хочет стать генералом. Плох тот командир, которому плевать на подчиненных. Поэтому, если вы хотите жить, можете уходить сейчас.

В воздухе натянулась незримая нить. В любой момент люди встали бы и ушли, оставляя меня одного против всех. Ханако имела такое же право избежать гибели, как и остальные.

Сердце сжимал холод. Я готовился к прощанию и близящемуся концу. Тут и армии не понадобится, в одиночку мне уже не выстоять против беса.

Поэтому, когда Ханако встала, я прикрыл глаза. Нечего показывать остальным, какой бульон плещется в душе.

— Командир! — Нехотя, смотрю на Ханако.

ХЛОП! — Щеку обожгло. От неожиданности я дернулся, приложил ладонь к пульсирующему лицу. Внимание с боли перешло к Ханако.

— Мы тебя не бросим! Эта Ханако тебя не бросит! Мы дойдем до конца и совершим такие подвиги, о которых будут слагать анекдоты по свету.

— Анек... доты?

Вмешался Бородач:

— Командир, Ханако права. Если и говорят про кого, как о трусливых шакалах, то это не про нас. — Остальные закивали. — Мы воины. Нам в радость стоять насмерть в одного против сотен и тысяч. Думаешь, оказываешь воякам честь, лишая нас веселья?

Глаза расширились. Я глотал ртом воздух, пытаюсь вернуть самообладание.

«Что за цирк тут происходит?»

Одноглазый сложил на груди руки и пробубнил:

— Я изувечил себя в том бою не для того, чтобы позорно бежать и молить о прощении каких-то напыщенных индюков. Насколько я понял, таких, как ты, командир, отправляют тысячами на убой, чтобы избавиться от мешающихся людей. Тогда, пусть напьются пущенной кровью, которую сами же выливали на потеху.

Другие говорили меньше, но так же прямо. Они не уйдут. Если и сражаться, то только вместе. Поодиночке нас перебьют.

— Эта Ханако... — Девушка свела пальцы вместе, то сжимая их в щепоть, то разводя в клетку. — ...кое-что поняла. Командир. — Она посмотрела внутрь меня. Желтая радужка пробивалась сквозь скорлупу, доходя до глубин души. — Ты же... не знаешь, что у тебя еще сотня тузов в оставшемся рукаве.

Я моргнул. Еще раз:

— Что?

— Ты помнишь, как выглядело окно инициации? Может, в какой-то момент ты удивился? Порой, самое странное и судьбоносное в жизни люди замечают лишь в край нужды.

— О чем ты го... Призыв. За ваш призыв я должен был отдать две тысячи очков, но заплатил всего сто сорок.

Бородач взял слово:

— Как думаешь, кто построил все это? — Руки обвели комнату. — Мы. В наших силах не только разрушать, но и строить. И дело не в фортификациях и укреплениях. Есть сила, которая делает инженеров лучшим приобретением.

Инженер отошел в сторону. За спиной застучало, слышались щелчки клавиш. Тихий гуд прошел рядом с ухом, когда черный ноутбук поставили передо мной.

Я всмотрелся в монитор. Строки, увиденные там, сбивали с мыслей. Прочитал, затем перечитал. Наружу рвался истерический хохот.

«Да быть такого не может. Это же неправда. У Обретших нет таких способностей!» — Я схватил Бородача за предплечье. То напряглось, когда пальцы врезались в кожу.

— Что это?

— Это возможность. Командир. — Его лапа схватила меня за грудки. Бородач притянул меня под возмущение Ханако и прорычал. — Мы первое звено в системе призывов. Куски от целого, ключи от дверей. Нас много, и мы на твоей стороне.

— Кто ты?

Бородач улыбнулся:

— Один из тех, кого ты видишь на мониторе.

Он отпустил меня.

Я тут же продышался. Рука ощупывала потертую шею.

«Значит, первое звено в системе призывов? Кусок от целого...»

Монитор показывал интерфейс, где открывалась единственная страница.

Подзаголовок — «штаб».

Описание: Оборудованный под командование на линии фронта бункер с двумя маленькими помещениями, примыкающими по бокам к третьему, основному залу. Есть простейший центр связи, полевая кухня, электронно-вычислительные машины (ноутбук x2). Присутствуют спальные места на восемь человек.

Открывает доступ к: Центр подготовки, склад, оружейная.

Доступен вызов: Подразделение саперов.

Глаза скосились на изображение сапера.

Боец в серой куртке и светлых штанах держал пистолет-пулемет без оптики. Поверх одежды наброшен черный легкий бронежилет, на голове бежевая каска без забрала и очков. За спиной рюкзак, к которому прицеплена лопата, кусачки.

Дрожащей рукой навел курсор на иконку «Призвать».

Под изображением появилась пустая шкала, а рядом высветилось: «До прибытия отряда осталось два дня.»

Тут же, перекрывая предыдущее окно, выскочило:

«Приветствуем нового командира «Волчьей дивизии». Мы возлагаем большие надежды на ваши навыки и неординарный ум.»

Я прохрипел:

— И что теперь?

Бородач сел на место:

— Сам чего хочешь?

Чего я хочу?

— Убивать врагов.